

ЭВОЛЮЦИЯ РОССИЙСКОЙ СЕМЬИ В XX ВЕКЕ

А.Г. Волков

Уходящий век был периодом огромных перемен в жизни всего человечества, в частности — России, где социальные потрясения были особенно сильными и затронули все без исключения сферы общественной жизни. Они существенно повлияли на развитие семьи, как важнейшего социального института и основной ячейки воспроизводства населения.

Происходящие в стране демографические изменения побуждают нас более пристально взглянуть на особенности формирования и развития семьи в последнее десятилетие, на происходящие в эти годы изменения в семейной структуре населения.

Уже в течение семи лет годовые числа рождений в России меньше годовых чисел смертей, естественный прирост сменился «естественной убылью» населения. Сокращающийся в последние годы приток мигрантов не компенсирует этой убыли, и численность населения страны медленно уменьшается. Прогнозы показывают, что переломить эту тенденцию, по крайней мере в ближайшие два десятилетия, вряд ли удастся.

Демографическое неблагополучие последнего времени часто связывается с негативными явлениями в развитии российской семьи. Действительно, как число разводов, так и их частота остаются сравнительно высокими, увеличивается доля внебрачных рождений. Значительную часть браков, особенно среди молодежи, составляют так называемые «консенсуальные», т.е. незарегистрированные, браки. Вызывает беспокойство и то, что российские семьи стали малодетными.

Все чаще в последнее время эти негативные тенденции трактуются как «кризис семьи» в России, обусловленный начатыми в 90-х годах экономическими реформами. Однако так ли это? Действительно ли все эти негативные явления в развитии семьи вызваны кризисным развитием экономики и непосредственно связаны с экономическими реформами переходного периода? Были ли эти явления внезапными, «обвальными»?

Хорошо известно, что при отсутствии экстраординарных потрясений демографические процессы не меняются мгновенно. Определяющие их нормы демографического поведения постепенно распространяются от поколения к поколению, захватывая одни социальные группы вслед за другими.

Поэтому для того, чтобы понять, что происходит с семьями в стране, нужно обратиться к более длительному периоду демографической истории.

Время

Понятие «кризис» подразумевает резкое изменение ситуации. Между тем, характер воспроизводства населения страны стал меняться уже довольно давно.

Снижение уровня рождаемости, по данным специальных исследований (1, 2), началось в России еще в 30-х годах. После колебаний, связанных с войной и

первыми послевоенными годами, снижение этого уровня возобновилось с середины 60-х годов.

В начале 80-х годов тенденция несколько изменилась: меры по усилению государственной помощи семьям с детьми, а спустя несколько лет и кратковременный эффект антиалкогольной кампании стимулировали более раннее рождение уже «запланированных» супругами детей. Вероятности рождения вторых, третьих и даже четвертых детей повысились (3, с.57-69). Годовые числа рождений увеличились.

Однако репродуктивные установки супругов, т.е. их намерения иметь в семье определенное число детей, не изменились. Произошел лишь сдвиг в календаре рождений. В результате контингент потенциальных родителей оказался за несколько лет исчерпанным. В конце 80-х годов уровень рождаемости резко снизился, что и произвело впечатление «обвального» его падения. На самом деле это было лишь возвратом к прежней тенденции более медленного снижения рождаемости.

Рост частоты разводов также наблюдается уже более трех десятилетий. Свобода развода, провозглашенная вскоре после Октябрьской революции, была резко ограничена в 1936 г. Эти ограничения сохранялись до конца 1965 г. С начала 1966 г. процедура расторжения брака была несколько упрощена, и в 1966 г. число разводов в России увеличилось почти вдвое — с 231 тыс. до 413 тыс. Были расторгнуты супружеские союзы, давно распавшиеся фактически, но формально продолжавшие существовать, и тысячи людей получили возможность вновь вступить в брак. После этого годовые числа разводов — как абсолютные, так и относительные (на 1000 населения) — в течение нескольких лет росли, а с конца 70-х годов стали практически стабильными.

О частоте разводов обычно судят, сопоставляя годовое их число с числом браков, заключенных в том же году, т.е. подсчитывая, сколько разводов «приходится» на один брак. Например, в 1997 г. в России на 100 заключенных браков «пришлось», при таком счете, 60 разводов. Создается впечатление, что больше половины браков расторгается чуть ли не сразу после свадьбы! При правильной оценке, т.е. при сопоставлении разводов с числом *всех* браков, которые в данном году могли бы быть расторгнуты, частоту разводов (в сравнении с другими европейскими странами) можно считать умеренной.

Однако она также увеличивалась с середины 60-х годов: с 1,33 в 1969/1970 гг. число разводов на 100 супружеских пар выросло до 1,87 в 1994 г. (4). Сейчас в России ежегодно расторгается около 2% всех существующих браков. При этом, как показали исследования, разведенные женщины, особенно с детьми, имеют гораздо меньшие шансы вновь вступить в брак.

Таким образом, представление о том, что высокая доля в населении неполных семей, состоящих из матери с детьми, является результатом роста числа разводов в последние годы, не соответствует действительности. На самом деле это — накопленный эффект длительного сохранения относительно высокого уровня разводимости, не компенсированного повторными браками разведенных женщин.

Разводы обычно считают главным показателем непрочности брака. Нельзя, однако, сбрасывать со счетов и другую причину его прекращения — овдовение, также затрагивающее в основном женщин. По данным микропереписи 1994 г., в домохозяйствах, состоящих из матери с детьми, 69% матерей имеют возраст 40 лет и старше, причем более половины их — вдовы; 47% матерей имеют возраст 50 лет и старше, среди них вдов почти три четверти (72%). Все это — следствие столь же длительного сохранения высокого уровня смертности мужчин.

Хорошо известно, что на протяжении тех же последних трех десятилетий уровень смертности мужчин оставался очень высоким (5, 6), а в рабочих возрастах был примерно вдвое выше, чем женщин. Вероятность дожития мужчин от 15 до 60 лет практически не изменилась по сравнению с концом прошлого столетия: в 1896-1897 гг. она составляла 55,6%, а в 1996 г. — 57,6% (7; 8, с.250).

Конечно, разводы больше угрожают стабильности брака в молодости, а овдовение — удел зрелых и старческих возрастов. Но это не меняет общего вывода о значительной роли смертности мужчин в формировании неблагоприятных брачной и семейной структур населения.

Таким образом, нестабильность браков и высокая доля неполных семей обусловлена не только высокой частотой разводов, но и длительным сохранением в стране чрезвычайно высокого уровня смертности мужчин.

Главный же вывод из всего сказанного заключается в том, что *изменения в формировании, развитии и стабильности семей в России и в их демографическом поведении порождены не кризисными явлениями последнего десятилетия, а представляют собой накопленный результат демографических изменений, происходивших в стране на протяжении долгих лет.*

Перемены

Озабоченность проблемами развития российской семьи часто основывается на противопоставлении ее современного состояния некоторому идеализированному образу семьи прошлого. Еще в начале века, мол, семья в России была крепкой, разводов практически не было, уровень рождаемости оставался высоким, в семьях было много детей. Теперь же семья стала непрочной; растет число одиноких матерей; супруги рожать детей не хотят: хорошо еще, если в семье один ребенок, многие же семьи остаются вообще бездетными.

Для аргументации такого рода характерна почти полная внеисторичность подхода к развитию семьи, игнорирование реальных изменений в условиях ее существования и развития, происходивших в России на протяжении почти целого века.

Причины этого отчасти — в бедности статистических данных о демографическом развитии семей. Земская статистика дореволюционной России исследовала преимущественно экономическое положение крестьянского хозяйства, почти не уделяя внимания демографии семьи. Данные о домохозяйствах и семьях первой всеобщей переписи населения 1897 г. были разработаны чрезвычайно скупо и практически остались непроанализированными. В первых советских переписях данные о домохозяйствах и семьях собирались, но разрабатывались также недостаточно подробно. Исключение составляет лишь обработка и анализ данных о семьях, собранных при переписи 1926 г. по инициативе и под руководством О. А. Квиткина (9). Однако в следующие годы его начинание не получило поддержки и развития.

Более или менее подробная информация об изменениях в составе семьи и семейной структуре населения имеется только начиная с 60-х годов — по материалам как переписей, так и специальных выборочных обследований. Это дало толчок развитию нашего семейведения и появлению ряда интересных исследований. Однако внимание специалистов в эти годы было направлено в основном на изучение современной семьи. Реальные причины и обстоятельства трансформации института семьи в стране были исследованы мало и — в условиях идеологического прессинга — весьма предвзято. Лишь в последние годы социологические аспек-

ты развития семьи и брака стали исследоваться более глубоко (в работах прежде всего петербургских социологов и, в частности, в обстоятельной монографии СИ. Голода) (10). Демографическое же развитие семьи и факторы изменения семейной структуры населения изучены пока недостаточно.

Между тем, даже немногие ретроспективные исследования по демографии семьи показывают, что изменения в численности и составе семей, семейной структуре населения и в демографическом поведении семьи есть следствие огромных перемен в условиях и образе жизни населения страны, произошедших на протяжении всех послереволюционных лет.

В начале века в России, где пять шестых населения страны жило в деревнях, преобладала патриархальная крестьянская семья. Для нее были характерны ранние и всеобщие браки, нерасторжимость церковного брака, практическое отсутствие регулирования деторождения. Выделение взрослых детей из родительских семей сдерживалось малоземельем, и значительную долю крестьянских хозяйств составляли сложные многопоколенные семьи. Уровень рождаемости был сравнительно высоким, но чрезвычайно высокими были также уровни младенческой и детской смертности. В результате почти треть детей умирала в младенчестве, а до 15 лет доживало немногим более половины родившихся (7), так что о реальной многодетности семей в начале века говорить нет оснований.

Первая мировая война сравнительно мало затронула основную массу крестьянского населения России. Сильнее повлияла на нее прокатившаяся по всей стране гражданская война и последовавшие за ней неурожай и голод. После недолгих лет НЭПа новый удар по семье был нанесен коллективизацией, сопровождавшейся репрессиями и высылкой многих десятков, если не сотен, тысяч раскулаченных и их семей.

Уже в 1929 г. была введена карточная система распределения продовольствия, сохранявшаяся до 1935 г., хотя и после отмены карточек положение с продовольствием улучшилось в последующие годы не намного (И). В 1933 г. жестокая политика насильственной конфискации продовольствия вызвала во многих областях страны голод, унесший миллионы жизней. Разразилась демографическая катастрофа, истинные масштабы которой были оценены лишь сравнительно недавно (1,12).

Коллективизация и голод в деревне сопровождалась ростом городского населения. Только с 1926 г. по 1937 г. городское население России увеличилось почти на 20 млн. чел. Столь стремительное приобщение множества людей к городскому образу жизни, трудности адаптации к нему выходцев из деревни, плохие жилищные условия и низкий уровень жизни в городах — все это способствовало резкой ломке норм и стереотипов демографического поведения традиционной российской семьи.

В городах и на промышленных стройках значительная часть женщин была вынуждена работать, так как заработков мужа не хватало, чтобы прокормить семью. Увеличение занятости женщин и отрыв места приложения труда от дома (чего не было в российской деревне) побуждали семьи ограничивать деторождение.

На все демографические процессы, а через них и на демографическое развитие семьи существенно повлияла сначала советско-финляндская, а затем и Вторая мировая война, оккупация значительной части территории страны, массовая эвакуация населения в восточные районы, депортации молодежи с оккупированных территорий в Германию и целых народов внутри страны, разруха и тягота военного времени. Война нарушила нормальное развитие большинства семей, надолго оторвала от жен и детей миллионы мужчин, многие из которых так и не вернулись домой. Нельзя не упомянуть здесь и голод 1946-1947 гг., и

трудности восстановления хозяйства в первое послевоенное десятилетие.

Все эти трагические события вызвали огромные людские потери и масштабные миграционные потоки, которые, помимо разрухи и ухудшения условий жизни, привели к существенным диспропорциям в возрастно-половой и брачной структурах и в размещении населения. Отсутствие достоверной информации не позволяет количественно оценить действительные масштабы влияния всех этих событий на семью. Однако достаточно взглянуть на возрастно-половую пирамиду населения России с несколькими глубокими изъятиями и сужающимся основанием, как мы увидим, что *все эти искажения и диспропорции в структурах населения сказываются до сих пор и будут еще долго сказываться на его развитии.*

Факторы

На этом историческом фоне главным фактором трансформации семьи были изменения в экономическом развитии и в системе общественных отношений, обусловившие коренные изменения образа жизни, а потому и сознания миллионов людей.

Особенно глубоко повлиял на семью переход к современной организации производства, ориентированной на индивидуальный труд, и к системе общественных санкций и поощрений, отдававшей безусловный приоритет личному трудовому вкладу человека. Число детей в семье, качество их воспитания и «качество» самой семьи в индустриализуемом обществе практически не давали (как, впрочем, не дают и до сих пор) ощутимых социальных преимуществ. Все это вызвало существенные изменения прежних стереотипов поведения, в том числе и демографического.

В стране, хозяйство которой было разрушено участием в мировой войне, событиями трех революций, интервенцией и гражданской войной, где царили разруха и голод, была неизбежной ориентация на экстенсивное развитие производства, максимальную мобилизацию всех трудовых ресурсов. Это предопределило курс на массовое вовлечение в общественное производство женской рабочей силы.

Потери мужчин были весьма значительными почти на всем протяжении истории России XX века: войны, репрессии, высокая смертность в мирные годы. И практически все это время двойную нагрузку несли российские женщины.

В первые послереволюционные годы и в период индустриализации большое внимание уделялось охране материнства и детства, развитию сети женских консультаций, детских яслей и детских садов. Главной целью создания детских учреждений для дошкольного воспитания провозглашалось освобождение работающих женщин от тягот семейного хозяйства. Однако при низком уровне жизни и плохой организации социальной инфраструктуры домашние заботы все равно оставались на их плечах. Так что по существу эти меры были направлены на то, чтобы «освободить» женщин от воспитания детей и от семьи, и как можно больше вовлечь их в общественное производство.

При этом на протяжении длительного периода значение семьи в жизни общества и человека недооценивалось. Представления об отмирании института семьи в социалистическом обществе, бытовавшие в 20-х годах и к тому же поддерживавшиеся официальными идеологией и пропагандой, оказались весьма живучими. Исходили они из негативного отношения к старой семье, которое постепенно перешло на институт семьи вообще и укоренилось в общественном сознании. Этому в немалой степени способствовала идеологически ориентированная пропаганда, рас-

смастравившая семью как нечто сугубо «личное», противостоящее интересам общественного производства, как помеху участию женщин в производительном труде. Термин «домашняя хозяйка» сохранил пренебрежительный оттенок до наших дней. Самоценность семьи и семейной жизни для гармоничного всестороннего развития личности человека долгие годы не только не осознавалась в должной мере, но порой и прямо осуждалась.

Высокий уровень занятости, расширение диапазона интересов и круга социального общения способствовали социальному и культурному развитию женщин, а заработок давал им также и экономическую независимость. Вместе с тем, не подкрепленная достаточным развитием служб быта и улучшением условий жизни, высокая занятость женщин на работе и по дому влекла за собой «двойную нагрузку» работающих матерей и негативно сказывалось на выполнении ими как той, так и другой социальной функции.

Кроме того, никто не пытался оценить, какой вред молодым поколениям нанесла гипертрофия «общественного воспитания», отрывавшего детей от повседневного общения с родителями уже в раннем детстве, когда формируется характер человека и закладываются основы его социализации. Это вынужденное разобщение детей и родителей, безусловно, ослабило нравственно-воспитательный потенциал семьи и способствовало распространению антиобщественного поведения подростков и молодежи.

В демографическом же отношении чрезмерная занятость женщин побуждала семью ограничивать деторождение и тем самым стала основным фактором снижения уровня рождаемости.

Некоторые исследователи полагают, что малодетность семьи обусловлена, якобы, ослаблением и чуть ли не исчезновением у родителей «потребности в детях», во всяком случае, в большом числе детей, а ограничение числа детей ослабляет и саму семью. Подобное объяснение, в сущности, грешит явной тавтологией: семья не хочет иметь детей потому, что у нее нет в этом потребности!

Между тем, чтобы понять причины этого явления, нужно ответить на вопрос, почему раньше семьи «хотели» иметь детей, а теперь «не хотят». По мнению Л.Е. Дарского (13, с.85-125), это можно сделать, учитывая, что сами дети представляют для родителей объект их некоторых социально-обусловленных потребностей.

Не ставя своей задачей подробный анализ изменения социальных функций детей в семье, укажем на некоторые наиболее существенные, на наш взгляд, изменения, происшедшие в содержании этих функций и повлиявшие на детность семьи.

В традиционной семье поведение родителей в отношении детей определялось религиозными, очень жесткими правилами, бездетность осуждалась, ограничение деторождения считалось греховным. Семья не имела возможности выбора, ее демографическое поведение подчинялось выработавшимся столетиями и глубоко вошедшим в быт, хотя и не осознаваемым самими людьми, социальным нормам.

Ценность детей для родителей определялась, среди прочих, и экономическими причинами. Дети, начиная со сравнительно раннего возраста и вплоть до выделения из родительской семьи, были не только нахлебниками, но и помощниками родителям в домашнем хозяйстве и семейном труде. В индустриальном обществе с высокой степенью обобществления труда эта функция в значительной мере утратила свое значение.

Дети были главной опорой своих родителей в старости. По традиции, в России младший сын продолжал жить со своими родителями до смерти после-

дних. Теперь функцию обеспечения старости в значительной мере взяло на себя общество. Другое дело, что делая это, оно лишь возвращает пенсионерам (притом, как правило, далеко не полностью) то, чего недоплатило им ранее, причем возвращает за счет оплаты труда тех же ставших взрослыми детей. Непосредственные затраты на содержание нетрудоспособных уступили место централизованному их распределению.

Вряд ли высокий уровень рождаемости (не фактическую многодетность) в традиционной семье можно объяснить осознанным стремлением родить детей «про запас», на случай смерти кого-либо из них. Само возникновение религиозных норм, не допускавших ограничения деторождения, было своего рода реакцией человеческой популяции на непреодолимо высокий в прошлом уровень смертности. Но на индивидуальном уровне сознательного выбора не существовало: супруги вели себя так, как полагалось, как было угодно Богу.

Происшедшие в стране социальные преобразования изменили весь уклад жизни миллионных масс людей. Существенно изменилось положение женщин: пройдя нелегкие испытания, они перестали целиком зависеть от мужа-кормильца, получили свободу выбора, в том числе и в отношении того, когда и сколько иметь детей. По мнению Л.Е. Дарского (13), в современной семье на первый план вышли другие потребности: иметь объект заботы и опеки, потребность в самовыражении, в передаче жизненного и культурного опыта и т.д. А для удовлетворения этих потребностей семье много детей не нужно.

Нельзя не учитывать, что современные условия и образ жизни городской (а часто — и сельской) семьи несовместимы с многодетностью.

Если говорить о российской семье, то в распространении контроля деторождения сыграло роль, вероятно, и то, что трудности, связанные с переустройством общества и пережитые не одним поколением россиян, вызвали у родителей стремление обеспечить детям более высокий уровень жизни, чем имели когда-то они сами. Это также было одним из важных мотивов к ограничению супругами числа детей в семье.

Представление об ослаблении и даже исчезновении потребности в детях не подтверждается и опросами семей. Как показывают обследования мнений, супругов, считающих идеальной семьей без детей и не собирающихся иметь детей вообще, чрезвычайно мало. Это свидетельство того, что в общественном сознании ценность детей (даже независимо от того, в чем заключается она для родителей) все же высока.

Более того, результаты многочисленных опросов показывают, что существующая «потребность в детях» не удовлетворяется. Уже с начала 70-х годов обследования мнений супругов обнаружили более или менее устойчивую закономерность (14): в среднем *идеальное* число детей в семье вообще, которое можно считать отражением социальной нормы, соответствует тому, которое специалисты считают необходимым для поддержания нормального замещения поколений. Однако семьи *хотят иметь* (даже при всех необходимых условиях) меньше детей, чем это соответствует их сегодняшним представлениям об идеале, а *собираются иметь* детей — меньше, чем хотят. Эта закономерность проявляется в самых разных группах населения.

Сохранение такой закономерности подтверждают и результаты одного из последних опросов ВЦИОМ (15, с. 66-70). Согласно этим данным, 51,9% опрошенных считают идеальной семьей с двумя детьми, но только 41,8% хотели бы

иметь в семье двоих детей, а планируют иметь двоих лишь 20,7% опрошенных; идеальным считают иметь в семье трех детей 19,3% опрошенных, желают иметь столько — 17,9%, а планируют иметь троих — 3,4%.

На трансформацию семьи влияла, несомненно, и жесткая демографическая политика тоталитарного государства: ограничение свободы развода (1936-1965 гг.), запрещение аборт (1936-1955 гг.), а также предпринимавшиеся в течение всех лет советской власти усилия по стимулированию деторождения, будь то введенный в начале войны 1941-1945 гг. налог на холостяков, одиноких и малосемейных граждан, или различного рода денежные пособия, льготы и другие поощрительные меры.

Однако все эти меры, как запретительные, так и поощрительные, не могли и, как теперь стало очевидно, не смогли переломить объективно обусловленную тенденцию к ограничению супругами числа детей в семье. Действие социальных факторов, изменивших коренным образом условия жизни населения, сформировавших новые социальные нормы и новые стереотипы демографического поведения, оказалось гораздо более сильным.

Вместе с тем жесткая структура авторитарной семьи прошлого постепенно уступала место новым, более человечным и демократичным брачно-семейным отношениям, основанным на взаимопомощи и взаимной ответственности за судьбу и благополучие своих близких. Но все это, конечно, не означает, что современная российская семья развивается без проблем. Изменение как самого общества, так и условий и образа жизни подавляющего большинства семей, устранение былой нерасторжимости брака — все это сделало семейный союз менее прочным, больше подверженным внешним воздействиям.

Любопытную метаморфозу претерпел и социально-психологический образ семьи в общественном сознании. Служивший раньше идеалом общественной иерархии («царь-батюшка, царица-матушка», «вы — наши отцы, мы — ваши дети»), в годы тоталитаризма он уступил место в этой иерархии идеалу отношений «начальник-подчиненный». Быть может попытки реализовать этот идеал на индивидуальном уровне, перенос командно-административных образцов поведения на внутрисемейные отношения служат источником конфликтов в жизни современной семьи.

По-видимому, не случайно общественность обеспокоена сейчас учащением случаев насилия в семье: родителей по отношению к детям, со стороны одного супруга по отношению к другому, детей и внуков по отношению к престарелым родственникам. Примерами насильственных взаимоотношений в семье могут служить оскорбления, запугивания, угрозы, а порой и рукоприкладство (16).

Однако, гораздо важнее другой вывод из сказанного ранее — *семья как социальный институт в России сохранилась, показав свою способность адаптироваться даже к коренным изменениям условий жизни, хотя и изменившись под их влиянием.*

Типы семей

Все отмеченные ранее изменения сформировали в России на протяжении послевоенного периода специфическую и относительно устойчивую семейную структуру населения.

Преобладающий тип семьи в стране — нуклеарная семья, состоящая из супружеской пары с небольшим числом детей. Довольно значительная часть супру-

жеских пар проживает вместе с одним из родителей супругов, а иногда и с другими родственниками. Доля таких семей в России выше, чем в большинстве европейских стран, что объясняется относительно более ранним вступлением в брак, когда молодые супруги, особенно если оба они работают или учатся, нуждаются в помощи родителей по уходу за детьми. Здесь, видимо, сказываются и сохраняющиеся, особенно в крупных городах, жилищные трудности.

Другим распространенным типом семьи являются семьи с одним родителем, так называемые неполные семьи. По данным микропереписи 1994 г. (далее приводятся скорректированные результаты распределения семей по типам), семьи, состоящие только из матери или отца с детьми, насчитывали 13,7% всех домохозяйств из 2-х и более человек, причем более 9/10 таких семей состояли из матери с детьми (17). Вместе с теми неполными семьями, которые живут с одним из своих родителей и прочими родственниками, семей такого типа в 1994 г. насчитывалось 17,5% всех домохозяйств, состоящих из двух и более человек.

Сложных семей, в составе которых две брачные пары, сохраняется относительно немного, всего несколько более 4% домохозяйств, причем основная их часть состоит из супружеской пары с детьми или без детей и обоих родителей одного из супругов. Сложных домохозяйств с тремя и более супружескими парами насчитывалось, по данным микропереписи 1994 г., всего около 0,13%.

Характерной для семейной структуры населения России в течение всего послевоенного периода была значительная (порядка 12% всего населения) и относительно устойчивая доля лиц, живущих вне семьи (по терминологии советских переписей — одиночек и отдельно проживающих членов семьи).

К сожалению, наша статистика до сих пор не учитывает, какую часть живущих вне семьи составляют домохозяйства из одного человека, а какая входит в так называемое институциональное население, т.е. принадлежит к числу обитателей домов для инвалидов и престарелых, больниц для хроников, казарм, исправительно-трудовых учреждений и другого рода общежитий. По-видимому, многие из этих людей составляют так называемый спецконтингент, т.е. являются обитателями казарм и исправительно-трудовых учреждений. Это значит, что в населении постоянно существует довольно большая часть людей, выключенных, хотя бы на время, из семейной жизни, и тем самым из процесса воспроизводства населения.

В последние десятилетия, как показывают обследования, в семейной структуре населения России отмечаются те же явления, которые начали проявляться в большинстве европейских стран под влиянием модернизации общества, особенно в послевоенные годы, и получили название второго демографического перехода. Это, прежде всего, рост числа незарегистрированных браков, особенно среди молодежи. Как показала микроперепись 1994 г., в возрастах 16-17 лет доля незарегистрированных браков среди мужчин составляет 36,4%, среди женщин — 29,9%; в возрастах 18-19 лет — соответственно 14,9% и 11,1%. По мере повышения возраста доля незарегистрированных браков уменьшается, снижаясь после 25 лет до 4-5% среди мужчин и 2-3% среди женщин.

Незарегистрированные браки несколько более часты в сельском, чем в городском населении, особенно после 40 лет. При этом на селе женщины называют себя состоящими в неформальном браке чаще, чем мужчины, что объясняется, по-видимому, особенностями брачной структуры сельского населения, сильно затронутой миграцией в города, и более высокой смертностью сельских мужчин.

Как показала микроперепись, доля незарегистрированных браков сильно зависит и от очередности брака: среди тех, кто состоит в повторном браке, она в несколько раз больше, чем среди состоящих в первом браке.

Другая заметная черта современного развития семьи — увеличение доли внебрачных рождений: с 1960 г. абсолютное их число снизилось с 365 тыс. до 319 тыс. в 1997 г., однако их доля среди всех рождений увеличилась за это время с 13,1% до 25,3%.

Характерной чертой современного развития семьи является ее ранняя нуклеаризация — стремление молодых людей отделяться от родителей как только позволяют условия.

Микроперепись 1994 г. обнаружила также существование такой специфической категории брачно-семейных отношений как раздельное жительство супругов. Доля их относительно невелика: жена проживает отдельно у 3,2% женатых мужчин, муж проживает отдельно у 4,6% замужних женщин. Среди тех, кто состоит, по их словам, в незарегистрированном браке, доля супружеских пар, в которых другой супруг не входит в состав того же домохозяйства, заметно выше. Действительно ли эти факты отражают специфику современного развития брачно-семейных отношений, или они — следствие особенностей учета семей при микропереписи, еще предстоит выяснить.

К сожалению, эти явления в изменении семьи мало изучены, однако, насколько можно судить по имеющимся данным, выражены они пока далеко не так сильно, как в европейских странах. Исключение составляет гораздо более высокая в России доля неполных семей, о причинах чего уже упоминалось.

В последние годы процесс формирования и развития семей постепенно нормализуется: практически не меняется — как у мужчин, так и у женщин — средний возраст вступления в брак, относительно стабильными стали ежегодные числа браков и разводов. Однако это никоим образом не означает, что проблемы современного состояния и дальнейшего развития семьи не требуют пристального внимания и изучения. Напротив, *негативные демографические тенденции последнего времени делают такое изучение особенно актуальным.*

* * *

В заключение хотелось бы еще раз подчеркнуть, что изменения, происшедшие с семьей в России на протяжении практически всего XX века, не случайны. Они обусловлены особенностями социального и экономического развития страны и теми трудностями, которые пережило и переживает ее население, иными словами — обусловлены объективными факторами. Сегодня в России семья такая, какой она стала, точнее — какой ее сделало развитие общества.

Поэтому ностальгия по традиционной семье бессмысленна: *семья уже не может стать другой, возврат к прошлому невозможен, как бы мы этого ни хотели. Для семьи прошлого в современном обществе нет ни социальной, ни экономической базы.*

Кризис же семьи, если он и существует, касается скорее, традиционной семьи, которая постепенно уступает место семье современного типа. Процесс этот объективно обусловлен и не может быть обращен вспять. Понимание этих особенностей важно для выбора направлений и приоритетов семейной политики.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Андреев Е.М., Дарский Л.Е., Харькова Т.Д. Демографическая история России: 1927-1959. М.: Информатика, 1998.
2. Сифман Р. И. Динамика рождаемости в СССР: М.: Статистика, 1974.
3. Darsky Leonid E. Quantum and timing of birth in the USSR / Demographic trends and patterns in the Soviet Union before 1991 // Ed. by W. Lute, S.Scherbov, A.Volkov. L.-N.-Y.; Laxenburg, 1994.
4. Volkov Andrei G. Changes in the population family structure of Russia // Evolution or revolution in European population. European population conference. Milano 4-8 Sept. 1995. Vol.2. Milano:FrancoAngeli, 1996.
5. Школьников В.М. Продолжительность жизни и смертность населения России // Население и общество. 1994. N 26, ноябрь.
6. Население России за 100 лет (1897-1997). Статистический сборник. М.: Госкомстат России, 1998.
7. Новосельский С.А. Смертность и продолжительность жизни в России. Пг., 1916.
8. Демографический ежегодник России. Статистический сборник. М.: Госкомстат России, 1997.
9. Квиткин О.А. Основные линии разработки переписи семей 1926 года. // Всесоюзная перепись населения 1926 года. Т.LVI. Структура городской семьи. Итоги специальной разработки. Вып. 1. М.-Л., 1931.
10. Голод СИ. Семья и брак: историко-социологический анализ. СПб.; ТОО ТК «Петрополис», 1998.
11. Осокина Е.А. Иерархия потребления. М.: Изд-во МГОУ, 1993.
12. Андреев Е.М., Дарский Л.Е., Харькова Т.Л. Население Советского Союза: 1922-1991. М.: Наука, 1993.
13. Дарский Л.Е. Рождаемость и репродуктивная функция семьи // Демографическое развитие семьи. М., 1979.
14. Волков А.Г. Семья — объект демографии. М.: Мысль, 1986.
15. ВЦИОМ. Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные изменения. 1998. N.5 (37).
16. Кудрявцева М. Семья строгого режима// Новые Известия. 1999. N49, 20 марта.
17. Волков А.Г., Сороко Е.Л. Типология семей и домохозяйств в России: развитие и анализ (по данным микропереписи 1994 года) // Вопросы статистики. 1999. N 5.